

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭМИЛЬ БАЛЕЦКИЙ: (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДКАРПАТСКОЙ ПЕРИОДИКИ (1939-1943 гг.))

Эмиль Балецкий (1919-1981), несомненно, одна из наиболее заметных фигур в истории венгерской славистики XX века [Хадрович 1980; Петер 1981; Н. Tóth 1980; Zoltán 1982; Kárgály, 2000]¹. Парадоксальным представляется тот факт, что до последнего времени ничего не было известно о творческой и научной деятельности ученого в период Второй мировой войны. Между тем, именно в те непростые годы происходит становление мировоззренческих позиций ученого, его профессиональных интересов.

Родился Эмиль (Емельян) Балецкий 21 февраля 1919 года в горном селе Гуклывое (Зуго) на северной окраине комитата Берег (сейчас: Воловецкий район Закарпатской области Украины). Вскоре родители переселились в село Чинадиево близ Мукачевы, где и получил первоначальное образование будущий поэт и ученый.² В годы учебы в чинадиевской школе, известной своими русофильскими традициями³, юный русин начинает осваивать русский литературный язык.

Известность к молодому поэту пришла очень рано. Первые стихи и рассказы мукачевского гимназиста появились в журнале “Наши стремления”. После систематических публикаций на страницах “внепартийной общественной газеты” “Русский Народный Голосъ” в 1936 вышла небольшая книжечка Эмиля Балецкого “Вербный трепеть” [Балецкий 1936], которая оповестила о появлении талантливого и многообещающего имени в среде подкарпатских поэтов русофильского направления.⁴

В следующем 1937 году подающий надежды молодой поэт блестяще закончил Мукачевскую русскую гимназию и поступил в Пражский Карлов университет. Два семестра молодой поэт слушал лекции славистов высокого уровня М. Вейнгарта, Й. Горака, Е. А. Ляцкого и др. После возвращения Подкарпатской Руси в состав Венгрии в 1939 году он переводится в Будапештский университет.

В конце 30-ых – начале 40-ых гг. на родине Э. Балецкого происходят значительные изменения в общественно-политической и культурной жизни. Главенствующие позиции занимает дотоле третье по степени своего влияния на общественную мысль края русинское направление (в конце 30-ых годов доминировали русофилы и украинофилы). Именно в русле этого направления, не взирая на военное время, интенсивно развивалась культурная жизнь региона. Сохранили позиции и сторонники русофильской ориентации. В крае выходили русскоязычные газеты наиболее влиятельных лидеров русофильского движения – сформировавшегося в Чехословацкий период: издания Степана Фенцика “Карпаторусский Голосъ” (1938-44) и Андрея Бродия “Русская Правда” (в дальнейшем – РП) (1939-40) и “Русское Слово” (1940-44). Именно с ежедневной газетой Андрея Бродия, которая стала выходить в сентябре 1939 года, активно сотрудничал будапештский студент Эмиль Балецкий.

Литературной страницей газеты ведал Иван Георгий Керча – выпускник Карлового университета, знакомый Балецкого еще по Мукачевской гимназии. Особые отношения автора с редактором литературной страницы газеты отражают первые публикации в ней: 15 декабря 1939 года было напечатано стихотворение “Калина”, посвященное Ване Горемыке (псевдоним И. Г. Керчи); 22 декабря 1939 года: “Жизнь не смехъ”; 30 декабря 1939 года: “Снѣгъ летаетъ за окномъ...”; 6 января 1940 года: “Сосны”; 26 января “Ванѣ Горемыкѣ” с эпиграфом из В. Короленко: “А впереди все таки огни” (под стихотворением дата написания – 15 декабря 1939, Будапешт). В этом же номере стихотворение И. Г. Керчи “Наша доля (Отвѣтъ Е. Д. Балецкому)” с эпиграфом из Сергея Есенина: “Если вскрикнетъ рать святая Кинь ты Русь, живи въ раю! Я скажу:

не надо рая, Дайте Родину мою!”, которое хорошо отражает дух тогдашней поэзии, стремление молодых русинов подражать творчеству русских поэтов серебряного века.

За короткий период в “Русской Правде” были опубликованы многочисленные поэтические произведения Емельяна Балецкого, по большей части написанные им ранее, ср.: “Вечерний аккордъ” (подписано: “Прага, май 1938 Ем. Балецкій”) 1 марта 1940 года; “Брось...” (это четверостишие подписано “Кошицы, 1937”), “На погостъ” (“Поляна, 1936”) – обе поэтические формы напечатаны в РП 12 марта 1940 года; “Мамъ” – РП 20 марта 1940; “Стихи о Карпатской Дамъ” (с посвящением И.С. Горянину, датой и местом написания: Будапешт, 1940) – РП 28 марта 1939; “Ева (Модерная карпатская баллада)” – РП 5 апреля 1940; “Эй, земляк!” – 11 апреля 1940; “Свѣтитъ мѣсяць надъ селомъ...” (стихотворение посвящено Е.Н. и подписано: “Чинадѣво, 21. VIII. 1937” – 20 апреля 1940; “Мукачево” – 27 апреля 1940; “Карпатскимъ апостоламъ” – 17 мая 1940; “Молитва къ Солнцебогу”; “Воспоминаніе” – 12 июня 1940”. Тогда же опубликовано стихотворение друга и соратника поэта еще со времен Мукачевской гимназии Симеона Панькова “Къ далекому другу”, посвященное Эмилю Балецкому.

Весной и летом 1940 года были опубликованы и другие произведения, в частности: “Я снова брожу по полямъ” (подписано: “Чинадѣво-Голицы, сентябрь 1937”) – 31 августа 1940, “Новый Райскій” и др., отрывки из рассказа “Цуравый Мишо” – 11 мая 1940; переводы с других языков, в частности стихи Эндре Ади⁵ и Хр. Смиренски (с болгарского).

Об активном сотрудничестве с “Русской Правдой” весной 1940 года, как и о характере этих отношений свидетельствуют и сообщения для него редактора непосредственно на страницах газеты в рубрике “Почт. ящикъ”: “Е. Балецкій, Будапештъ. Время совѣмъ не подходитъ: ребята разѣхались. Если не встрѣтишь меня въ субботу въ Мукачевѣ, приѣзжай съ Сеней ко мнѣ! Да, работаемъ вмѣстѣ! Приветъ!” – 25 апреля 1940; “Е. Балецкій. Хорошо было бы, чтобы Ты приѣхал въ Ужгородъ обсудити дѣло, о которомъ Тебѣ писалъ г. к. Считаю, что это дѣло первостепенной важности. Не откладывай!”.

Литературное творчество поэта не осталось незамеченным. 10 февраля 1940 года анонимный автор (есть основания предполагать, что это Евгений Недзельский) в материале газеты “Новая плеяда наших поэтовъ и писателей” писал о Балецком: “Из старшихъ поэтовъ Емельянъ Балецкій [поэту шел 21 год! – МК] систематически печатает свои вещи въ “Р.П.” Въ послѣднее время изъ подъ его пера выходятъ замѣчательные переводы изъ мадьярской, польской и болгарской литературы. Это скромный и талантливый литературный труженникъ, въ оригинальныхъ сочиненияхъ котораго очень ярко звучатъ социальныя ноты”.

В 1940 году Балецкого избирают заместителем председателя “Союза Угро-русскихъ Писателей”. В это же время в Ужгороде выходят два коллективных поэтических сборника местных авторов “12”⁶ и “Живая струя”, альманах “Огоньки”, в которых весьма заметное место занимают произведения Эмиля Балецкого⁷.

Осенью 1940 года газета Андрея Бродия меняет свое название. В “Русском Слове” (далее – РС), газете, которая выходила с 5 сентября 1940 года на смену “Русской Правде”, Балецкий публикуется реже. 16 октября 1940 года опубликовано стихотворение “Другу”; 27 ноября 1940 года перевод стихотворения Ади Эндре “Мой отецъ”; 26 января 1941 года “Сыплеть белый снег, и сани...”; 27 апреля 1941 года “Прощай” (написано в 1938 году в Праге); 6 июля того же года перевод из Ади Эндре “Отдай ты мнѣ свои глаза”; 13 июля 1941 года “Печаль зоветъ...” (стихотворение написано в Будапеште в январе 1941 года и посвящено “Я.В.Ф.”); 17 августа 1941 года перевод с польского стихотворения Яна Каспровича “Въ темноту нисходитъ моя душа”. Страницы

этой газеты также фиксируют постепенный переход молодого автора от литературного творчества к научной деятельности. В ноябре 1941 года “Русское Слово” напечатало в нескольких номерах статью будапештского студента Эмиля Балецкого “Литература болгарского народа”.⁸ Молодой поэт все более критически воспринимает как собственное, так и творчество соратников, в обилии появляющееся на страницах русофильской периодики, он все чаще берет на себя редакторские обязанности. Любопытным представляется сообщение РП от 1 июня 1940 года о том, что накануне, 30 мая, будапештская радиостанция транслировала получасовую передачу “Молодые угрорусские поэты”, которую подготовил к эфиру Эмиль Балецкий. Еще в большей степени редакторские способности, взгляды молодого поэта на творческий процесс и место поэта в обществе проявились в конце 1941 года, когда он стал редактором литературной страницы ужгородской газеты “Карпаторусский Голос”, которая к тому времени выходила дважды в неделю. Интересно, что субботнюю литературную страницу ужгородской газеты ее сотрудник редактировал в Будапеште.⁹ Программой следует считать редакторскую статью молодого поэта “Flat, ubi nult...” от 8 ноября, в которой тот пишет о проблемах литературного творчества в Подкарпатье, о собственном видении места поэта в обществе, об отсутствии надлежащей критики, необходимости борьбы с графоманством на страницах периодики, заканчивая свою статью словами: “У насъ, несомнѣнно, есть способные и талантливые литераторы, но некому ими руководить, а если и найдется такой человек, то никогда его такъ не цѣнятъ, какъ поэта, хотя критикъ (конечно не всякій) стоитъ выше поэта. Въ такихъ критикахъ, которые все хвалятъ, угрорусская литература сегодня уже не нуждается, равно и въ поэтахъ – графоманахъ она тоже не нуждается, но “прославимъ поэтовъ, у которыхъ одинъ Богъ – красиво сказанное, безстрашное слово правды”.¹⁰ Позиция Балецкого-редактора, задекларированная в настоящей статье, как видим, свидетельствует и о гражданском становлении молодого интеллигента. Своим редакторским креслом молодой поэт не злоупотреблял, в номере газеты за 15 ноября он опубликовал стихотворение “Беатриче” (с эпиграфом из Ильи Эренбурга: “Въ столицѣ Скифіи...”), а 31 декабря того же года стихотворение в прозе из цикла “Синія дали” “Цвѣла сирень. О, gioventu, primavera della vita”.¹¹

Как красноречиво свидетельствуют страницы периодики того времени, будапештский студент Эмиль Балецкий однозначно и, как оказалось впоследствии, окончательно делает выбор в пользу научной деятельности. О том, что выбор был сознательным уже в студенческие годы, подчеркивает ныне здравствующий ужгородец Василий Сочка-Боржавин, который был последним из земляков-соратников, с кем общался в Будапеште поэт в начале сороковых годов [Сочка-Боржавин 1990].

Во время обучения Эмиля Балецкого в Будапештском университете происходят весьма значительные изменения в мировоззрении молодого поэта. Годы становления слависта совпали со сменой его общественно-культурной ориентации. В начале 40-ых он переходит в лагерь русинофилов, становится в ряды местной интеллигенции, сознательно формирующей все условия для функционирования русинской нации в Венгерском государстве, в частности, решения проблем, связанных с языковыми вопросами, проблемами школы.¹² Об этом свидетельствуют его научные публикации на русинском языке в ужгородских научном журнале “Зоря-Најнал” и научно-популярной газете “Литературна Недѣля”, которые издавало созданное в 1941 году “Подкарпатское Общество Наукъ” (ПОН). Будапештский студент откликнулся на призывы о сотрудничестве в периодических изданиях новой общественной институции края директора ПОН Ивана Гарайды и вскоре опубликовал на страницах газеты “Литературна Недѣля” (ЛН) народную песню, записанную в родном Чинадиево “Ишли Турки зъ Татарами”

(ЛН, 1941, с. 108: здесь и далее указываем только год издания и страницу, поскольку нумерация страниц издания сквозная на протяжении года). В это время в рубрике “Почтова скринька” ЛН № 14 за 1941 год появляется любопытное сообщение редактора для своего автора: “Е.Б. Будапешть. Материалъ достали. По возможности выкористаеми. Статя про Е. Сабова и “Науку” есть добра”¹³, которое фиксирует первые шаги бывшего русофила на страницах русинской периодики.¹⁴ Вскоре эти (как и другие) материалы активного автора редакция публиковала неоднократно, ср.: “Евменій Сабовъ и наша діялектологія” (ЛН, 1942, с. 89-92), “У мамки’мь росла (Народна пѣсня зъ Чинадѣва)” (ЛН, 1942, с. 124) “Самозвук ѓ въ бережанскомъ говорѣ” (ЛН, 1942, с. 222-224), “Переказъ про Тарковича” (ЛН, 1942, с. 209-210; ЛН, 1942, с.251 (второй вариант), “У недѣлю рано” (ЛН, 1942, с. 210), “Литература и народный языкъ” (ЛН, 1942, с. 263-264). Последнюю публикацию Эмиля Балецкого следует считать программной. Молодой лингвист обосновывает необходимость использовать при формировании русинского литературного языка народных говоров, призывает интеллигенцию не стесняться народного языка. В качестве примера приводит факты из истории становления современных европейских литературных языков, в частности, сербского и греческого.

В год окончания университета молодой ученый продолжал весьма активно публиковаться на страницах “Литературной Недѣлѣ”, ср.: “Про болгаризмы въ нашихъ говорахъ” (ЛН, 1943, с. 34-36), “Иванъ Мелихъ та науковий зборникъ выданий въ его честь” (ЛН, 1943, с. 70-72), “Новѣ статѣ про назву Vihorlat” (ЛН, 1943, с. 93-94), “Про походження *оурикъ* (*urék*) въ донаціонной грамотѣ грушовского монастыря зъ 1404-го року” (ЛН, 1943, с. 119-120), “Народнѣ назвы частей рѣки” (ЛН, 1943, с. 131-132), “Про походження назвы Бужора” (ЛН, 1943, с. 167-168), “Одно морфологичное явище” (ЛН, 1943, с. 168), “Про перекладъ повторного инфинитиву у Святомъ письмѣ. (Реферат.)” (ЛН, 1943, с. 287-288).

В 1943 году в рубрике ЛН “Новѣ книжки” молодой славист опубликовал рецензию “Dr. Włodzimierz Steckel: Wpływ Kochanowskiego na Relkovicą. Nakładem Instytutu Polskiego w Budapeszcie. 1943. str. 29.” (ЛН, 1943, с. 216), что само по себе свидетельствовало о значительном доверии редакции к профессионализму молодого будапештского слависта. Интересно, что редактор издания Иван Гарайда, знающий специалист в данной области, советовал молодому лингвисту работать в направлении решения вопросов, поднятых в рецензии. В предшествующем номере ЛН в рубрике “Почта редакціѣ” было напечатано: “Е. Б. Рецензія въ слѣдующомъ числѣ. Не вмѣстилася. Добре было бы ту тему розробити и рѣшити заразомъ”.

Две фундаментальные языковедческие статьи Эмиль Балецкий опубликовал на страницах ужгородского научного журнала “Зоря-Најнал”: “Языкъ грамматики Е. Сабова зъ 1890-го року” (1942, с. 336-350) и “Ů” въ чинадѣвскомъ говорѣ” (1943, с. 288-301).¹⁵

Реже на русинском языке начинающий будапештский славист публикует в те годы художественные произведения, ср., например, поэзии “Карпатска литания” (ЛН, 1942, с. 142), “Зфильовало сонце хмарами насиля...” (ЛН, 1942, с. 241), “Зелена яре...” (ЛН, 1943, с. 169); прозаические произведения “Праздникъ въ Лазещинѣ” (ЛН, 1943, с.101-102), “На своихъ крылахъ (Урывки зъ повѣсти.)” (ЛН, 1943, с. 194-196); перевод с венгерского языка на русинский гимна общегосударственной акционерной торговой компании “Гандя” (“Hangya”) и т.п.

Подписывал свои произведения автор по разному: в ежедневных газетах “Русская Правда” и “Русское Слово” чаще всего полным именем: Емельянь Балецкий или криптонимами Е. Б., Б. Е.; на страницах других газет, в частности, “Карпаторусский Го-

лось” – псевдонимом Латор(и)чанинъ или криптонимом Е.Л.; на страницах русинских изданий научные произведения – Е. Балецкий, криптонимом Б. Е., художественные сочинения – О. Вѣщакъ.

Публикация в последнем 24 номере журнала “Литературна Недѣля” за 1943 год засвидетельствовала не только возросший профессиональный уровень, но и новый статус автора в обществе, была подписана: “Др. Е. Балецкий”.

В конце 1943 года в Будапеште Эмиль Балецкий с отличием защищает докторскую диссертацию “Szabó Eumén orosz nyelvtanának hangtana” [Фонетика русской грамматики Евмения Сабова]¹⁶ и в том же году призывается в армию. На страницах подкарпатской периодики он больше не печатался.

Примечания:

¹ В публикации Андраша Золтана есть список научных трудов венгерского слависта, дополнением к которому могут служить представленные здесь и дотопле неизвестные широкой научной общественности научные публикации Эмиля Балецкого в период с 1941 по 1943 год.

² О наиболее раннем периоде жизни Эмиля Балецкого можно узнать из его автобиографической прозы, ср., например: “Мнѣ первый годъ миноваль, когда принесли меня съ зеленой Верховины туда, гдѣ кончаются горы и начинается равнина... Этого я не помню... Домикъ желѣзнодорожнаго сторожа, протяжный свистъ локомотивовъ, рельсы, скрипъ шлагбаума... На весну умерла моя мать... Я не помню ее, но въ семьѣ столько рассказывали о ней, что кажется, вотъ, что и теперь вижу ее; думаю о ней... Мама умерла – остался у меня добрый отецъ да нѣжная сестра Лиза. ...Быль у меня братъ, съ нимъ я въ дѣтскій садъ ходилъ. ...Но – умеръ и братъ. Шести лѣтъ меня отдали въ школу. Помню. Тогда впервые мнѣ захотѣлось сочинять стихи. ...Во второмъ классѣ учитель сдѣлалъ необыкновенную радость: дал мнѣ какую-то роль въ дѣтскомъ театральномъ представленіи. Однажды я плакалъ. Опоздалъ въ школьную библиотечку и не получилъ книги. Учитель увидѣлъ – пожалѣлъ, далъ мнѣ Робинзона. Учитель былъ строгъ, но я его любилъ. Да и онъ меня любилъ, только мое странное поведение его часто сердило... Весною я увидѣлъ Ядвигу. Она ходила въ школу изъ сосѣдняго села. Въ воскресенье, помню, впервые я съ нею говорилъ, и тогда родились во мнѣ новыя чувства...” (Изъ цикла “Синія дали”. Огоньки. Ужгород, 1940. 21-24).

³ Очень много для развития школьного обучения именно на русском литературном языке сделал директор школы Иван Степанович Ковач. При его непосредственном участии в Чинадиево был построен и с 23 октября 1927 года успешно функционировал один из лучших культурных центров края тех лет «Русскій народный домъ».

⁴ Становление молодого русофила происходило под влиянием “Самообразовательного кружка”, который под руководством преподавателей И.И. Готвальда и Т.Ц. Бездек-Денисенко действовал при Мукачевской русской гимназии с 1932 года. Публиковал свои первые поэтические и прозаические произведения Эмиль Балецкий в журнале наиболее известного подкарпатского поэта-русофила Андрея Карабелеша, влияние которого безусловно сказалось на его творчестве; позже в газете другого известного русофила Е. Л. Недзельского “Русский Народный Голосъ”, которую тот редактировал с 1934 года и при которой в издательстве “Содружество” начинающий поэт издал свою первую книгу “Вербный трепеть”.

⁵ О переводах Эндре Ади на русский и русинский языки (как и других венгерских авторов в годы Второй мировой войны подкарпатскими авторами) порой не знают даже отечественные специалисты в этой области знаний, см., например [Медве 1994]. Между тем эти многочисленные переводы на страницах периодики того времени заслуживают отдельного исследования. Эмиль Балецкий, в частности, опубликовал переводы стихотворений “И ни потомокъ, я ни предокъ я ничей...” (РП, 1940, 21 февраля); “Мой отецъ” (РС, 1940, 27 ноября); “Отдай ты мнѣ свои глаза” (РС, 1941, 6 июля).

⁶ “Русская Правда” сообщила о выходе из печати сборника “12 молодых угрорусских поэтов” тиражом 1 000 экземпляров 1 марта 1940 года, а уже 10 апреля того года напечатала анонимную рецензию на него “Вокруг сборника 12”. Автор рецензии писал, в частности: “Насколько возможно судить из малаго числа стихотворений у Балецкого объявляется влияние новоромантизма (и поэтизма)...”.

⁷ Молодой поэт многими современниками считался наиболее одаренным в кругу поэтов-русифилов, которые доминировали в культурной жизни края того периода. Об этом свидетельствуют и страницы других периодических изданий края. Характерной и весьма типичной, например, является оценка его творчества, **И. Комлошием**, который в обзоре “Угро-русские литераторы” на первое место в ряду наиболее известных литераторов края помещает имя Балецкого, ср.: “Особенное внимание заслуживает творчество Е. Балецкого (выпустившего книгу “Вербный трепет”, печатавшийся в сборнике 12-ти, Живая струя)...” (Земледельский календарь на год 1943. Составил Михаил Демко. Книгопечатня Юлиа Фельдешя в Унгварѣ. 1942. 101).

⁸ Вот, что писала газета в предисловии к материалу, который является одной из первых публикаций по данной теме начинающего слависта: “Вь связи съ открытиемъ второго по числу славянского института въ Будапештѣ, а именно Болгарскаго института, печатаемъ статью Е. Д. Балецкого, появившуюся на страницахъ польскаго журнала “Материалы обозовъ”. РС, 1941, 5 ноября.

⁹ Праворадикальная газета Степана Фенцика “Карпаторусский Голосъ” 5 ноября 1941 года сообщила о своем беспрецедентном решении: “Нашимъ литераторамъ. Симъ сообщаемъ всемъ угрорусскимъ литераторамъ, что центральнымъ органомъ, ведающимъ “страницей литературы” въ нашей газетѣ является будапештская группа угрорусскихъ литераторовъ. Поэтому обращаемъ вниманіе всѣхъ, кто хочетъ печатать свои труды въ “страницѣ литературы”, чтобы посылали матеріалы и обращались со всякими запросами по адресу редактора “страницы литературы” Емельяна Балецкого. Адресъ: **Budapest, Pázmány kolegium. E. Balecky**. За литературную страницу, присланный и помещаемый материал и порядокъ печатанія отвѣчаетъ редакторъ Е. Балецкий. Въ интересѣ каждаго поэтому навязать сношенія непосредственно съ нимъ”.

¹⁰ Карпаторусский Голосъ, 1941, 8 ноября. С. 4

¹¹ Ср., фрагмент произведения: “Мнѣ было одиннадцать лѣтъ. Цвѣла сирень. Шель мѣсяць май. Мои короткіе штаны были вымыты и заплатаны. По дорогѣ изъ школы на вокзалъ я встрѣтился съ ней. Она мнѣ подарила сирень... Изъ города мы ежедневно ѣхали вмѣстѣ. Она въ одномъ окнѣ, а я въ другомъ. Я каждый день получалъ отъ нея сирень. (Пока цвѣли сирени...)... Однажды я былъ у нихъ. Родителей не было дома. Мы играли. Она вдругъ прижала меня къ себѣ. Я не знаю, какъ это случилось, но я еѣ поцѣловалъ въ плечо. Она меня начала бить. Я терпѣлъ. Я былъ увереннымъ, что она меня бьетъ потому, что любить...”

¹² В начале 1941 года следы активного участия в общественной и культурной жизни Подкарпатя молодого писателя и патриота обнаруживаются на страницах педагогического журнала “Народна Школа”, который публиковал на своих страницах “Литературно-научное приложение”. В разделе “Почтовый ящикъ” мартовского номера за 1941 год было сообщение и для “Е. Б” из Будапешта: “...Сотрудничество Ваше привѣтствуемъ. Номера [журнала - М.К.] посылаемъ съ 7-ымъ номеромъ. Хрестоматія начнется печатати вначалѣ апрѣля мѣс.” В сообщении редактора, в частности, шла речь о “Исторической хрестоматіи угро-русской литературы”, которая должна была публиковаться в рамках “Литературно-научного приложения” и о выпуске которой сообщалось в январском номере журнала того же года. Хрестоматию предполагалось использовать в качестве учебника в старших классах средних учебных заведений. В разделе “Новѣйша литература” значилось и имя Е. Балецкого, что не могло не заинтересовать молодого литератора. Еще раньше имя будапештского студента попало на страницы журнала в рецензии на сборники “12” и “Живая Струя”. Последняя весьма показательна для оценки места поэта в художественной жизни края начала 40-ых гг. XX столетия. Весьма высоко оценивал творчество Эмиля Балецкого рецензент “Л.У.”: “Во главѣ “карпатскихъ апостоловъ” стоитъ *Б а л е ц к и й*, который несетъ на алтарь отчизны свой “нѣжный стихъ”.

Въ которомъ Бога Солнца величаютъ,

Разсвѣта, жизни, счастья чають...

Стихи Балецкого обнаруживают в поэте натуру, сильно реагирующую на впечатлѣнія окружающей жизни... Балецкий вносит что то новое в нашу литературу, что не замѣчалось у его предшественников. Онъ посвящает проникновенные строки *простой карпатской женщины*... В поэзии Балецкого нѣтъ обличительныхъ мотивовъ, въ ней – *призывъ къ труду*. Мѣстами у Балецкого замѣчается тяготѣніе къ городскимъ “урбанистическимъ” мотивамъ (Жизнь не смехъ). Онъ одинъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ, который воспѣлъ современную городскую дѣйствительность... (Народна Школа, 1940/41, №5. С. 71).

¹³ Этот период характерен активными контактами молодого лингвиста с редактором “Литературной Недѣль” Иваном Гарайдой. Незадолго до этого в 9 номере журнала за 1942 год под рубрикой “Почтова скринька” также появляется его обращение к автору: “**Е.Б. Будапешть:** Матеріаль одержали. Дякуеме. Выкористаеме, якъ и Вашего коллеги [речь идет о другом будапештском студенте-филологе Кирилле Галасе, который в этот период также активно сотрудничает с изданием – К.М.] Пишѣть дале”. Интересные письма Эмиля Балецкого Ивану Гарайде и Николаю Лелекачу (ученному секретарю научного общества), которые опубликованы недавно в Ужгороде [Загальна Библиографія... 2001], свидетельствуют об активных контактах молодого русинского лингвиста с научной общественностью родного края (в частности, обнаруживается, что будапештский студент присылал библиографические материалы во время подготовки фундаментального для края библиографического описания, вышедшего в 1944 году).

¹⁴ Противостояние русофилов с представителями русинофильской и, особенно, украинофильской ориентации сгладилось во время войны, однако вновь вспыхнуло после нее, не все бывшие соратники и в то время, и позже простили Эмилю Балецкому переход в лагерь русофилов. Вот, например, как писал уже в советское время о И. Архие, Ю. Барвинок-Керекеше, К. Вершан-Галасе, которые временно также примкнули в это время к русофилам, Олег Грабарь: “Переход названных авторов в лагерь отъявленных врагов Москвы воспринимали в кругах прогрессивной общественности Закарпатья как измену и капитуляцию за иудин грош” [Грабарь 1957 : 100]. Досталось от автора и Эмилю Балецкому, в частности, за сотрудничество с коммерческой фирмой “Гандя”. Можем только догадываться, с какими трудностями пришлось молодому ученому сталкиваться сразу после войны, когда вовсе невозможным представлялось даже упоминание о русинстве, или о той части русофилов (к ним принадлежал и молодой Балецкий), которые не симпатизировали советам. Приходится только гадать, состоялся бы как ученый Эмиль Балецкий, вернись он в Ужгород? Судьба большинства соратников ученого как по русофильскому, так и по русинофильскому лагерю сложилась весьма непросто, а то и трагически.

¹⁵ Обе статьи, опубликованные в научном журнале, вышли отдельными изданиями в книжной серии Подкарпатского Общества Наук “Литературно-Наукова Библиотека”, соответственно в 1942 (Ч.23) и 1944 (Ч.39) гг.

¹⁶ Работа также вышла отдельным изданием в книжной серии “Литературно-Наукова Библиотека” ПОН [ср.: Valecky 1943]. Рецензировал докторскую работу другой видный земляк начинающего ученого Федор Потушняк (позитивная в целом рецензия была опубликована в научном журнале “Зоря-Најнал” за 1943 год). Краткую аннотацию научной работы Емельяна Балецкого представил в газете “Литературна Недѣля” в 1944 году, в сдвоенном №13-14, который вышел 1 июля (с.166), Иван Мураний, который, в частности, отмечал: “...Твори дуже цѣнний и подае много нового матеріалу до лингвистики Подкарпатя”. Из всех подкарпатцев, обучавшихся в те годы в Будапештском университете, следом за Эмилем Балецким успели защитить докторские работы лишь двое: Василий Орос и Лидия Владимир (13 и 14 мая 1944 г.)

Литература:

Емельянь Д. Балецкий. Вербный трепет. Ужгород, 1936. 47 с. (с фотографией автора).
Грабарь Олег. Поузія Закарпатя 1939-1944. Братислава: Словацкое издательство художественной литературы, 1957

Загальна бібліографія Подкарпаття /Зложили Лелекач Н., Гарайда И. = Kárpátalja általános bibliográfiája / Összeállították Lelekács Miklós és Harajda János: З додатками: 1. Бібліографія подкарпатської руської літератури; 2. Бібліографія подкарпатської руської історії літератури = Загальна бібліографія Підкарпаття/ Уклали Лелекач М., Гарайда І.: З додатками: 1. Бібліографія підкарпатської руської літератури; 2. Бібліографія підкарпатської руської історії літератури/ Факс. вид. (на русинській та угорській мовах); Передмова Д. Данилюка (на укр. мові); Післямова В. Падяка (на укр. мові). Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2000. 214 с.-Портр.

Медве З. Carmina transferre necesse est (Переводи стихотворений Ендре Ади в Подкарпатській Русі) A szláv nyelvek oktatásának elmélete és gyakorlata. Pécs, 1994. 455-464.

Петер М. : Эмиль Балецкий (1919-1981). // Studia Russica IV. Budapest, 1981. 399-401.

Сочка-Боржавин В. В холодный январский день. Горы и доля. Ужгород, 1990.

Хадрович Л. Эмилю Балецкому 60 лет. // Studia Slavica Hung. 26 (1980): 230-232.

Balecky Emil: Szabó Eumén orosz nyelvtanának hangtana. Irodalmi és Tudományos könyvtár 28. szám. (Szerk. Harajda János. A Kárpátaljai Tudományos Társaság kiadása. Budapest. 1943.

Н. Тóth Imre: Balezky Emil köszöntése. // Studia Russica III. Budapest, 1980. 354-357.

І. Zoltán A. Emil Balezky (1919-1981). // Studia Slavica Hung. 28 (1982): 405-408.

Кáprály Mihály: Эмиль Балецкий на страницах ужгородской периодики (1939-1943) Studia Russica XVIII. Budapest, 2000. 369-374.

Вестник филиала Института русского языка им. А. С. Пушкина, № 15. Будапешт, 2001. 28-40.